

М. ЕЗЕРСКИЙ

Р-3

Е-424

Лион

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

М 103720

Государственное Военное Издательство

МОСКВА, Тверская, д. № 15.
Адрес для телеграмм: МОСКВА ВОЕНГИЗ.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Б а л я с н ы й, С.—Букварь красноармейца. Издание 4 е, переработанное автором И. Кузнецовым, под ред. А. Курской и Н. Богуславской. 50 стр. с приложением карты Европы. Цена 25 коп.

Б а р а т о в.—Воздушный флот СССР и задачи трудящихся. 38 стр. с 7 рис. 925 г.

Б а р а т о в.—Б.
Цена 20

39
103720

С С С Р

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Р =
Е 43

М. ЕЗЕРСКИЙ

ШПИОН

Рассказ

0

1

9

москва

2

6

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

№ 1.563.

Главлит № 48243. Тир. 10.000.

5-Я ТИПОГРАФИЯ
„TRANSPRECHATI“ НКПС
„ПРОЛЕТАРСКОЕ СЛОВО“
Москва, Южный пер., д. № 4.

— Нет... Назначение получил, а какое — се-
крет. Выполню — награду дадут, крест георгиев
да деньгами немало.

— Записался? — спросил крепкий старичок.

При этой мысли Андрей самодовольно улы-
бнулся.

— Это хорошо, — с убеждением сказал ста-
ричок и взмахнул серыми гусеницами над
выщетшими глазами: — Груня, подь сюды... По-
дай закуску да винца...

Вспла, не торопясь, толстая, грузная девушка, с высокой грудью и длинной русой косой через плечо и, взглянув большими глазами на Андрея, смущилась. Андрей давно приставал к ней, проходу не давал, а она любила другого Федьку Карпова, который ушел к красным и где-то воюет с белыми. Отец знал, что Андрей пристает к дочери и совсем еще недавно говорил: «Я ему, сукиному сыну, ребра все пересчитаю». А теперь подружился с охальником Андрюшкой, вышивает. Груня недоумевала.

Они сидели и шили, икая, ругаясь матерными словами. Груня задумалась. Но сквозь думы долетали до нее бахвальные речи Андрея:

— Хоть не хочу, а воюй... Оно и лучше. Скорей каюк им, красным, и заживем, дядя. Э-эх! Позвал этто меня сам енерал—суръезный такой старик, с крестами на грудях, сказывает:— Можешь пройти на сторону красных, разведать, сколько у их силы да пулеметов?.. Воротишься — награду получишь.— Что-ж, грю,—дело трудное, а сделаю: только оружие мне пожалуйте, ваше превосходительство, да одежду ихнюю... чтоб подозрения не было... Вот переоденусь и айда вечерком... Молчок только, дядя Петра. Чтоб никто не проведал. А то расстрел...

Серые мохнатые брови мельника сдвинулись, и из выщветших голубых глаз посыпались искры:

— Я-то молчок. Да ты сам-то не проболтайся... Я за дело правое... готов...

Тут голова его мотнулась, свисла на грудь. Старик засопел, захрипел. Изредка шевелился, бормотал что-то под нос.

От выпитого вина у Андрея шумело в голове: белые ресницы беспрестанно мигали, как крылья бабочки, и все белобрысое обычно лицо было красно, как кирпич.

Оглянулся. Груня, задумавшись, сидит поодаль.

— Груня, — позвал он.

Девушка вздрогнула, вскочила с лавки.

— Уходи, уходи, — заговорила она, отмахиваясь от него руками, и большие круглые глаза ее горели гневом; — не люб ты мне... Уходи...

— А, ты так...

Андрей бросился к ней, но она, проворно шлепая босыми ногами по чисто выметенному деревянному полу, выскочила за дверь, плотно захлопнув ее за собой. Закричала:

— Будешь приставать — соседей позову. Страм какой.

Андрей, со стиснутыми от бешенства зубами, вышел во двор. Смеркалось. На холмике стояла темной тенью на фоне оранжево-красных небес, опоясанных грядчатой каймой бледно-розовых тучек, старая мельница с вытянутыми к небу длинными руками крыльев. Поодаль серел дом с красной крышей, поломанная коробка с обеалившимися стенками и черные впадины вылившихся глаз зияли, как в черепе. А дальше

чернела полуразрушенная церковная ограда, опоясавшая ветхую церковку, и рядом с оградою—кладбище.

Андрей пошел вдоль ограды. В ложбинке шопотом разговаривали. Он остановился, прислушался. Грубый голос ворчал, как собака, грызущая кость:

— Что ему? Прет да прет, красный чорт. Чует сердце—не удержаться нам... Потому порядков у нас нету: капитан Ермолов, ноне вторая сутка, без просыпу пьет... Распоряжениев никаких... Э, видно, песенка ихняя спета. Сами виноваты.

Другой голос, аккуратный, сюсюкающий, возражал, подбирая слова:

— Что капитан?.. Селедка... Помощник у него есть—поручик Осипов—энтот и в пьяном виде—орел: командует, как тверезый... Не удержимся тута, отступим—не беда.

Андрей отошел, притаился. В ушах звенели слова генерала: — До противника отсюда две версты. Торопись. Выведай все во-время: награду получишь... человеком будешь.

Андрей побежал домой.

В комнате было пусто—ни отца, ни матери, ни сестер. «Куда они делись?»—подумал Андрей и вышел во двор. За сараем слышались голоса—грубый отцовский и визгливый матерний:

— Трети сутки, как стоят тут, — говорил отец, швыряя что-то мягкое на землю, — быть бью... от пуль хорониться надоль...

— Буде рыть-то. И так яма глубокая: хватит на всех. Досок наложить сверху и ладно.

— Много понимаешь... Аль забыла, что Андрей сказывал: землею засыпать доски, камушками поверх, чтоб защита была...

Андрей тихо отошел. «Пущай хоронятся», — подумал он: — «а мне в дорогу пора».

Вошел в комнату, зажег лампочку. На кровати лежало обмундирование, полученное Андреем еще утром из полкового цейхгауза. Андрей стал переодеваться. Вспомнились слова каптенармуса: «В разведку? Что-ж, хорошо». Андрей рассказал каптенармусу об обещанной генералом награде. «Что же, хорошо», — повторил каптенармус и усмехнулся: «А ежели убьют?» Мысль о смерти больно кольнула сердце.

Кончил переодеваться: из деревенского парня стал красноармейцем — у пояса патронная сумка, гранаты, на груди — патронташ, за плечами — легкий вещевой мешок, винтовка на ремне через плечо.

«Самое главное — налегке», — думал он: — «узнаю где у них станковые пулеметы, где патронные двуколки, где находятся взводы — и айда обратно».

Свернул цигарку из махорки, покурил на дорогу и ползком выбрался за церковную ограду в поле.

II.

Поле молчало, навстречу дул легкий ветерок, насыщенный крепким запахом полыни и каких-то трав. Ничто не нарушало однообразной перестрелки с обеих сторон. Андрей полз, как во сне... Но вот перестрелка стала крепчать, катясь по широкому простору поля, и пули низко пролетали над землей. Он очнулся, обдувал свое положение. Что-то подгоняло упорно, назойливо: «Вперед, вперед»... Часто ложился, ругаясь про себя: «Ишь, черти, раскудахтались». Сомнение родилось где-то в глубине души, разрасталось, властно охватывая и щемя сердце длинными, цепкими щупальцами: «Успею-ль разведать во время?»...

Стало светать. На востоке заалела длинная полоска, и тучки зарумянились отблеском зари. Стрельба усиливалась. Это красные перешли в наступление. Их станковые пулеметы, засыпанные ворохом листвьев, находились за бугром у дороги, на левом фланге 1-го взвода, и твердым отчетливым татаканьем строчили, как иголкой, местность от мельницы до церковной ограды. Продвигаться было трудно, но Андрей, укрываясь за бугорками и бороздами поля, быстро

со стиснутыми зубами, старался, как можно скорее, добраться до красных. Они находились в двух километрах, совсем близко—и Андрей то бежал, согнувшись в три погибели, толожился, то, привстав, прислушивался, то полз.

Справа, в ложбинке, послышался шепот. «Дозоры»,—мелькнуло у Андрея, и он на минуту притаился, но тотчас же пополз опять.

Шум усиливался переходя в гул: казалось, земля отвечала эхом пулеметам, травы и ветер заунывно пели, и вдруг, покрывая все мощным грохотом, гаркнуло во всю глотку откуда-то издалека чудовище: засвистели, заворчали, загремели снаряды, зловещее ожидание неизбежного сжало сердце. Обе артиллерии, как красная, так и белая, — стараются подавить огнем одна другую. Артиллерия белых обстреливает наступающие части красных.

«Вlopался»,— подумал Андрей: «дернул же меня чорт взяться за это дело»... И мысль оозвращении домой захлестнула его сердце. Но тотчас же всплыло заманчивое обещание генерала—георгиевский крест, деньги... Эта мысль придала ему мужества: он бросился вперед.

Огонь пыпал с обеих сторон. Навстречу Андрею справа и слева двигались небольшие группы красноармейцев... «Так и есть—наступление»,—подумал Андрей.

Поле шептало: люди, ветер, травы—все говорило неуверенным шепотом, ожидая чего-то.

Красноармейцы применялись к бугристой местности: то ложились между борозд, за бугорками, то ползком двигались вперед.

Вдруг Андрей остановился—сердце захолонуло в груди и оборвалось, тоскливо заныло.

— Кто идет?—донесся до него грубый голос.

— Связь от комрот 2,—ответил Андрей спокойным голосом, хотя внутри чувствовал дрожь и ужас.

— Говори тише, дурак... Ишь тебя завело... Куда попал. Новобранец?

К нему подошел дюжий красноармеец, звеня прикладом.

— Новобранец.

— Сразу видать... Тебе кого—комрота?

Ступай к комвзводу: он тебя направит...

— Это какой взвод?

— Второй.

— Не знаешь, где комвзвод?—спросил Андрей молодого безусого красноармейца.

— Недавно был тут, по отделениям пошел, должно быть,—сказал он.

— К пулемету отправился—возразил третий.

Андрей взял правее, вернулся в поле и, пробежав около 70 метров, очутился возле бугорка, где находился пулемет. «Ладно, тут пулемет, а там 2-й взвод», подумал Андрей, «рядом должен быть еще взвод, что связь держит со 2-м взводом»... И, пригнувшись к земле, Андрей побежал влево через дорогу. Все ближе и бли-

же доносилось татаканье пулеметов, которые стучали равномерно, как швейная машина.

Невдалеке, в кустах стояли пулеметы, а дальше продвигались кучки красноармейцев...

«Взвод», — решил Андрей: «ишь тарахтят-то как пулеметы. Ровно оглашенные... Тарахтелки».

Вдруг вся окрестность, поле, травы, лес, крылья ветряка, вдали голубой купол церковки — все зажглось, засияло, затрепетало жизнью. Андрей протяжно вздохнул и лег плашмя на землю. Мимо двигались кучки красноармейцев вперед — на белых. Андрей пополз в противоположную сторону.

Полз недолго: 100 метров отделяли взвод от взвода, и Андрей, избегая встречи, пополз в сторону, ближе к дороге и затаился в ложбинке, прислушиваясь. До него доносились голоса, шепот, заглушаемые артиллерийским и пулеметным боем.

III.

Когда Андрей вышел на дорогу, облепленную кустарником, под нависшим сводом густых ветвей лесных деревьев, впереди слышался говор.

Андрей прислушался:

— Комрот Ведров вернулся с наблюдательного пункта? — Спрашивал молодой окающий голос.

— Вернулся, — ответил сиплый бас.

— А в бой пойдет? Отчаянный он очень...
так и прет вперед...

— Славный он парняга...

Андрей подошел к ним:

— Какой взвод?

— А тебе что,—ответил бас.

— Я связь от комрота 2: мне сказывали, что
т. Ведров в 3-м взводе.

— Ну и ступай в 3-й.

— Стало быть, это не 3-й...

— Заплутался парень... Это взвод управления, а комрот тут...

Андрей отошел.

— Ладно, обожду,—бросил он и, присев на корточки, стал курить.

Впереди стучала, гремела даль: противник вел сильный огонь, переходивший то и дело в ураганный.

Андрей пошел на голоса, что слышались позади. Притаившись за деревом, он наблюдал.

На полянку между деревьев вышел человек невысокого роста и закричал:

— Связь, ко мне...

«Это Ведров, должно быть»,—подумал Андрей и из последующего разговора убедился, что это действительно комрот.

Бегуны выросли, как из-под земли.

— Отправиться к пулеметам и во взводы: продолжать наступление. Когда взводы дойдут до противника на 800 метров, руководствоваться

следующим: приказ 1-му взводу: первая линия—отделение стрелков и легких пулеметов, вторая—2 отделения стрелков, станковым пулеметам выдвинуться за канаву на левый край лощины и взять во фланги атакуемый участок. Легким пулеметам прикрывать продвижение станковых. Понял, Начипоренко? Повтори. Хорошо, ступай... Приказ 2 му взводу: огонь станковых пулеметов с левого фланга через головы бойцов, легкие пулеметы в промежутках между стрелковыми отделениями. 3-е отделение в 250 метрах позади первого и второго. Повтори, Григорьев. Ступай. Приказ 3-му взводу: продвигаться за первым взводом в строю по отделениям—змейкой, в две шеренги: в каждой стрелок за стрелком в затылок. Станковым пулеметам занять высотку, оставленную пулеметами 1-го взвода. Повтори, Сидорчук. Хорошо. Отправляйся. Приказ взводу управления: находится близ дороги на опушке леса. Думаю повторять незачем, не перепутаешь, Пославский.

Коротко ответил бородатый красноармеец, малый славный и добродушный, и рота любила его: выручить товарища из беды, помочь ему табаком, деньгами, хлебом—Пославский считал для себя обязательным.

В это время к комрот подошел красноармеец, дюжий парень, с винтовкой на ремне через плечо.

— Никак Карпов? — спросил Ведров.

— Так точно, товарищ комрот... Опостылело мне тут, в бой бы...

— Что так?

— Хочу в бой итти, чтобы самому беляков бить... Опрокинуть их, и крышка... А то насела зараза поганая на землю нашу, покою от нее нету...

— Маслов, — закричал комрот: — пойдешь с Карповым на разведку: нужно точно определить место стоянки пулемета белых на правом их фланге, возле церковной ограды.

Лицо Карпова загорелось:

— Все разведаем, — сказал он и, привалив вещевой мешок к плечам, быстро ушел с Поставским. Андрей шел за ними. «Авось, узнаю что», — думал он.

Сначала шли они молча. Маслов заговорил первый.

— Как войдем под пулеметный обстрел — берегись. А то смотри — убьют.

— Не убьют, — убежденно сказал Карпов: — как можно убьют, коли на селе зазноба осталась.

— Далеко отсюда?

— Да нет же... Тута, в Зяньковцах... Груня, дочка мельника...

— Это мы его мельницу значит окатываем... Та-а-ак-с... Славное дело. Что же этот мельник за нас или за белых?

- Не знаю, должно быть, за их.
- Ну и чорт с ним... А Груня?
- Эта за нас.
- Что же малина—девка?
- Малина.
- Ждет тебя?
- Ждет.

— К рассвету возьмем село, и ты увидишься с нею,—засмеялся Маслов и вдруг насторожился: кажется, берут нас белые в переплет... слышишь, как жарят: винтовки, пулеметы, пушки,— все пустили в ход...

Андрей больше не слушал. Теперь он понял, почему Груня сторонилась его. Этот Карпов «Федька-оголец», как звали его на селе, ее миленок... Утром увидится, думает!... Ну, не бывать этому!...

Андрей вскинул винтовку, убедился, что она заряжена, и прошептал:

— Убью его... А вдруг промахнусь? Настигнут они меня, узнает Федька: тогда крышка.

И Андрей думает, что делать. Перебирает в мыслях, все ли выполнил, не забыл ли чего.. Нет не все: остаются патронные двуколки.... «К чорту их. Скажу, что двуколки двигаются по дороге от леса. Пущай нащупают, ежели надобно».

— Тов. комрот, а, тов. комрот! — прибежал, запыхавшись, бегун, Григорьев: срочно от комвзвода 2.

— В чем дело?

— Взвод несет большие потери. Белые кроют почем зря, особенно ихний пулемет от церковной ограды. Комвзвод велел передать, чтоб артиллерией их...

— Ладно. Звоню комбату.

IV.

Рота, которой командовал полковник Изуворов, занимала фронт против участка комрота Ведрова, упираясь правым флангом в кладбище, а левым — охватывая ветряную мельницу. Ротным, в полку были преимущественно полковники, изредка подполковники, а командиром — генерал-от-инfanterии барон фон Розеншильд-Паулин, 65-летний старик, георгиевский кавалер, награжденный золотым оружием за бои под Стажавой и Перемышлем. Он решил во что бы то ни стало удержать позицию и ожидал сильных резервов, чтобы сделать прорыв на фронте красных, опрокинуть их, зайти в тыл и уничтожить до единого человека. Он завербовал несколько добровольцев из сыновей кулаков, и, пообещав им кресты и деньги, послал в места расположения красных. Андрей попал в роту полковника Изуворова, получил красноармейское обмундирование и отправился в поход.

Начавшийся бой, наступление красных встревожили командира полка: он снесся по телефону со штабом дивизии, требуя подкреплений, но ему уклончиво ответили, что пока людей нет, но при первой возможности будут высланы сильные подкрепления. Тогда барон позвонил командирам рот, приказав быть настороже, а на участок подполковника Изуверова обратил сугубое внимание.

Между ними произошел следующий разговор по телефону:

— Полковник Изуверов.
— Слушаю. Кто говорит?
— Командир полка.
— Слушаю, ваше превосходительство.
— По имеющимся у меня сведениям красные атакуют сегодня вашу роту. Как у вас дела? Надеетесь удержаться? Может быть, вы перейдете в контр-атаку? В штыки эту сволочь — и конец с концом. В плен не брать.

— Я имел честь докладывать вашему превосходительству, что только при поддержке резервов я рискну бросить людей в контр-наступление. Что же касается вверенного мне участка, то я решил не отдавать его ни в коем случае.

— Помните, что пулеметный огонь — самый действительный. Не жалейте патронов.

— Слушаю, ваше превосходительство.
— Шпион не вернулся?
— Никак нет.

— Смотрите, как бы он не предал нас.
— Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство. Дурак обалдел от обещанной награды.

Телефон повторил генеральский смех.
— Итак—подготовьтесь. Желаю успеха.
— Покорно благодарю, ваше превосходительство.

Полковник Изуверов призадумался: если сам генерал, всегда спокойный, нервничает—значит, дело плохо.

— Фролов, соедини меня со взводами.
— Готово, ваше высокоблагородие.

На взводах стояли поручики и капитаны, на отделениях—подпоручики и штабс-капитаны: все были люди надежные, «не зараженные большевизмом», но солдаты, «эта серая скотина», как называл их полковник Изуверов, не внушиали доверия.

И он телефонировал во взводы:

— Строго следить за людьми: при малейшем неповиновении, стремлении сдаться противнику укладывать на месте. Строго смотреть за прaporщиками: ненадежный элемент—курицы... Оборонять участки до последнего издохания. При паническом бегстве расстреливать беглецов. Никакой пощады. За неисполнение приказания вы будете разжалованы и преданы военно-полевому суду. Такова воля командующего добровольческой армией.

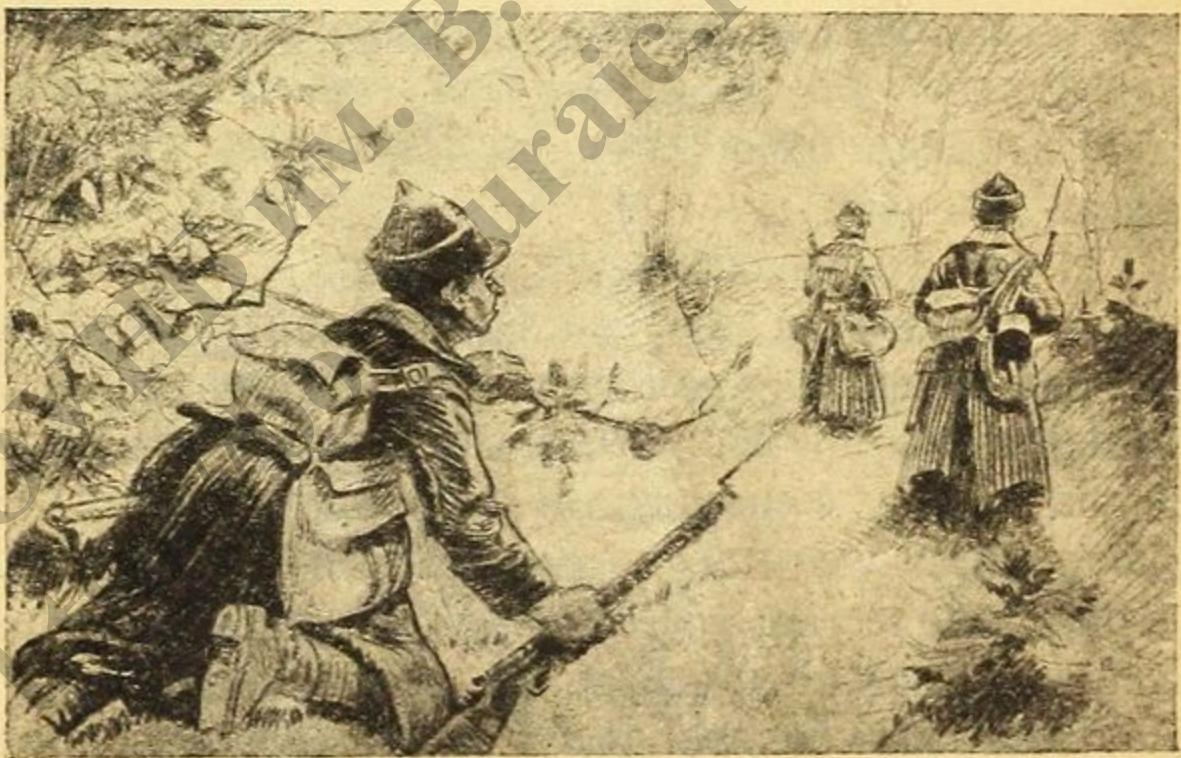
V.

Два красноармейца шли быстрым, легким шагом вдоль дороги. Сзади них крался человек, тоже красноармеец по одежде, то скрываясь в лесу, то припадая к земле в местах, где не было деревьев.

— Ишь жахают как,—сказал Маслов, споткнувшись.

— Ровно пчелы стрекотят,—пробормотал Федька, обдумывая, как он пойдет в разведку, узнает, где пулемет у белых, и тем даст возможность красным обстрелять его.

Андрей с сильно бьющимся сердцем крался за ними.

Два красноармейца шли быстрым шагом. Сзади них крался человек.

Пули, как шмели, жужжали мимо ушей, но ни Федька, ни Андрей не сторонились от них: Федька—потому, что верил—не убьют, Андрей—чтобы не упустить Федьки. Несколько раз Андрей прицеливался из-за кустов, но не стрелял, боясь промахнуться.

Вдруг Андрей задрожал от радости: Маслов говорил:

— Ну, прощевай таперича. Тебе влево, на 2-й взвод, а мне вправо—на 1-й взвод. Смотри—осторожен будь.

— Прощевай, завтра свидимся.

Они расстались.

«Теперича я с им справлюсь», подумал Андрей и, взяв Федьку на мушку, положил палец на курок. В это время полковая 37 миллиметровая пушка жахнула, Андрей вздрогнул, палец сам по себе дернул курок. Прокатился выстрел. Федька ощутил боль в левой руке.

— Ранен... Как же так... Сзади... Неужто обошли... Или случайный выстрел?..

Он оглянулся и увидел тень, мелькнувшую между деревьев.

— Померещилось, аль в сам деле человек.

Федька чувствовал боль. Присел на краю канавки, вынул бинт и хотел перевязать руку, стал снимать гимнастерку, но острыя боль пронизала всю руку.

— Видно обратно итти,—решил он и поплелся во взвод управления.

— Ты что, Карпов,—встретили его товарищи: никак заблудился?

— Ранен...

— Что ты?...

Товарищи обступили его, начались расспросы.

— Перевяжите перво-наперво руку,—сказал Федька: не дело, товарищи, ротозейничать да языком трепать.

— И то правда,—заметил Егоров, усатый красноармеец:—дай-кося, осмотрим руку...

— Стреляли сзади,—пробормотал он,—это ясно... Как это тебя угораздило...

Федька рассказал, как последовал сзади выстрел, и тень скрылась в лесу.

Егоров покачал головой:

— Кто же это стрелял?..

— Надоить ротному доложить...

Узнав о произшедшем, комрот послал несколько человек из взвода управления осмотреть лес. Люди обшарили лес и вернулись ни с чем.

— Сгинул, как сатана,—сказал Федька, узнав о результате розысков.

— Померещилось тебе... шальная пуля зацепила,—в раздумья бросил Егоров.

Федька только пожал плечами.

Андрей между тем добежал, задыхаясь, до 2-го взвода. Полковая пушка потушила огонь пулемета, и он переменил позицию. 2-й взвод,

держа связь с 1-м, продвинулся вперед и стал окапываться.

Андрей взглянул назад: зеленая стена леса казалась совсем недалеко, почти рядом.

— Убил я его или только ранил? А может промахнулся... Проклятая пушка помешала...

Сзади, в направлении ветряка, взвилась синяя ракета: поднялась, вспыхнула синеватым светом, и сине-оранжевые искры посыпались из взметнувшегося веера. Это комрот дал сигнал артиллерии. Воя и рыча, как цацые звери, полетели снаряды, затякали, как неугомонные, назойливые шавки, пулеметы, затрещали винтовки.

— Скорее, скорее отсюдова...

Андрей обежал станковый пулемет взвода и ползком стал пробираться в поле. Теперь оно гремело, кричало, ворчливо говорило. Там и сям подымались столбы золотой пыли, взметаемой бухавшими снарядами, курились маленькие дымки от падающих осколков. Андрей мгновенно сливался с местностью.

Пулемет стоял на пригорке у дерева, в кустах, а за ними лежали люди и шепотом переговаривались.

— Ен, подлюга, понимат, как надоть: нейдет в контр-атаку...

— Ну, куды ему... Чай силы нету... а еще офицера тамо—ученые. Ну, это им не поможет.

— Кто знает...

— Врешь,—сломим мы их—пра...

Грубый, как из бочки, голос загудел:

— Верно, сынок, офицер хоть и знат, как атаковать, а все ж не решится иттиль. Сволочь...
Мы-б его за горло, да штык в глотку...

— Вестимо. Одно слово—белогвардец...

Э, мотри, дядя Ермолай... Сюды ползет кто-то...

Голова Ермолая вынырнула из травы.

— Твоя правда, сынок... Неужели белые...

Шалишь, не захватишь врасплох.

Ермолай привстал:

— Стой, кто тута.

— Связь от комрота 2,—ответил Андрей с захолонувши сердцем.

— Ступай сюда.

Андрей подошел и, не ожидая расспросов, первый стал говорить:

— Посдал это меня комрот 2 к вашему комроту с бумагою... Теперича обратно иду, да не сюда попал...

— А кто у вас комрот,—сказал Ермолай и подошел к Андрею вплотную.

Андрей не ожидал этого вопроса, задрожал:

— У нас комрот—товарищ...

Тут Андрей присел и снизу вверх ударили Ермолая штыком в живот: штык вошел без усилий, мягко, как в сырую землю. В голове мелькнуло: «Так штыки чистят»...

Ермолай заревел, закричал:

— Заколол, убил, держи его... Шпион...

Андрей, пользуясь суматохою, выбежал в поле и помчался напрямик к белым. Но огонь не знал суматохи: пыпал неутомимо с обеих сторон, изрыгая свинец и железо, кромсая поле, заливая раны его густыми лужами липкой крови, и хотя противник умолкал, подавленный ураганным огнем красных, Андрей все-таки онцущал вокруг себя перекрестный огонь.

Андрей снизу вдруг ударили Ермолая штыком.

Вдруг белые стали стрелять пачками сильнее да сильнее. Андрей отчаялся в спасении. Мчался, обезумев от ужаса, к церковной ограде и вопил.

— Свой... Свой...

Но голос его в грохоте перестрелки умирал, казался едва слышным шепотом, тонул безответно.

Андрей, задыхаясь, остановился, но не успел лечь: почувствовал, как по ногам что-то прокатилось быстрое, горячее, дробно пулемет прострочил ему ноги, а бухнувший снаряд схватил его в вращательную воронку, смял на лету и разорвал его, падающего навзничь, на клочья.

В полдень позвонили по телефону. Полковник Изуверов спал, уронив голову на стол, после выпитой бутылки коньяку. Дежурный телефонист разбудил полковника. Он, не спеша, привстал, взял трубку.

— Слушаю, откуда.

— Из 1-го взвода. Едва держимся. Красные подавляют нас сильным огнем. Пулемет у церковной ограды принужден был переменить место... Противник совсем недалеко. Разрешите перейти в контр-атаку.

— Никаких контр-атак. Вы с ума сошли, капитан Неверов... Попытайтесь потушить огонь этих банд...

— Прикажите открыть артиллерийский огонь.

— Сейчас позвоню. Обороняйте участок. Желаю успеха.

Полковник Изуверов налил стакан коньяку и залпом выпил. Облизал губы, усмехнулся в усы:

— Капитан Штром.

Явился офицер для поручений, молодцеватый капитан, и вытянулся смирно, щелкнув шпорами.

— Шпион не вернулся?

— Никак нет, господин полковник.

— Заблудился где-нибудь, прохвост, и болтается, дороги не найдет...

— Возможно, захватили его...

Полковник помолчал.

— Приготовьтесь совершенно секретно к отступлению,—сказал он,—прикажите вестовым уложить чемоданы. Только совершенно секретно.

— Неужели никакой надежды?

— Вы бы меньше рассуждали, капитан. Вы плохой офицер — раз не учитываете самых элементарных фактов боевой обстановки. Осторожность прежде всего.

— Понимаю, господин полковник,—изменившимся голосом вымолвил, весь вспыхнув, как девушка, капитан Штром.

— То-то же,—пробурчал полковник:—можете итти.

Когда Штром вышел, полковник прошелся в раздумье по комнате. И вдруг схватился за голову:

— До чего дожили... До чего дожили... Нас, кадровых офицеров, бьет красная сволочь, и мы не можем удержаться.

VI.

Федька посидел на траве, пожевал хлебца, отдохнул да запросился опять в разведку.

— Куды тебе, раненому,—говорили товарищи: рука, небось, одеревенела...

— Ничего... Смогу... рана легкая, не рана даже—царапина... А что тут делать... Зря сидеть, когда люди нужны... Сломить его чорта, надо, чтоб село ослабонил...

— Верно это, да ты пойми, Федька: ранены... Куды тебе...

— Толкают ноги и ладно. Я красноармеец и должен в бой итти, а не на печке валяться.

— Ну и упрям же ты, Федька. Хоть кол на голове теши. Мотри, чтоб не пожалел...

— Чего жалеть... Двух смертей не бывать, а одной не миновать. Пойду к комроту.

Но комрот был занят — говорил по телефону с комбатом, и Федьке пришлось ждать. Когда комрот освободился, Федька подошел к нему:

— Дозвольте, товарищ комрот, в разведку... Рана пустяшная, не болит даже...

— Маслов не вернулся?

— Нет.

— Да можешь ли ты в самом деле?

— Как не мочь: говорю—рана пустяшная.
Я мигом.

— Ступай.

Федька стал снаряжаться в дорогу.

В это время 1 и 2 взводы подошли к противнику на 400 метров, и стрелки стали палить из винтовок. Сзади стрелков суетились отделько-мы, тихо подавая сигналы к стрельбе свистками.

— А ну-ка, Федяев, в перебежку: до бугра, что темнеет—видишь... Товарищи, не ослабляй огня: крой его, белого чорта, во всю.

— Теперича Каблуков.

— А теперича...

Перебежка—опасная игра со смертью: хотя и чувствуешь за собой твердый, крепкий кулак товарищей, но смерть подкарауливает свою добычу всюду: противник берет тебя на мушку, сеет страшный град снарядов и пуль.

— К атаке готовься...

Приказ облетает взводы, проникает в отделения, в звенья, заползает в души людей: сердца учащенно бьются...

— 1-й и 3-й взводы—атака мельницы.

— 2-й взвод—правый угол церковной ограды.

— Готовься...

Напряженный огонь пулеметов и винтовок сilitся окончательно погасить огонь белых. Артиллерия громит тылы противника. Загорается непреклонная надежда победы. Но противник, наполовину ослабленный нашим огнем,

не сдается: защищается до последней крайности. Тылы его исковерканы красной артиллерией, но он держится, ждет резервов. А станковые пулеметы атакующих взводов угошают его густой свинцовой кашей, хлещут ураганным огнем по подходящим резервам.

В тылу и в цепях противника зарождается шум, смятение, паника. Ярко вспыхивают бешеные окрики офицеров:

— Ни с места, сволочи...

Федька подошел в то время, как отдан был приказ броситься в штыки. До противника всего 150 метров. Бойцы кидают гранаты; опрокидывают белых ощетиненными штыками и врываются в село.

— Ура, ура! Даешь Зянковцы,—громогласно прокатывается по окрестности.

Федька бежит впереди всех, кричит тоже:
— Ура... Ура...

Но белых нигде не видно: они поспешно отступили, и рота бросилась за ними в погоню.

Теперь в голове Федьки одна дума: скорее увидеть Грунью. Быстро бежит мимо изрешеченной мельницы, распростершей к небу обломки искалеченныхвойной рук, толкает калитку и через садик вбегает в домик мельника. Кругом ни души: пусто и тихо.

Федька недоумевает: неужто ушла она с белыми.

— Груня, Груня,—кричит он и мечется по комнате.

Но вот из подвала выходит девушка.

Федька бросается к ней:

— Груня...

Девушка не верит своим глазам:

— Федя! Ты...

Хватает Федю за руки. Засыпает его тревожными вопросами о белых—совсем ли ушли из села, не вернутся ли опять... Федя успокаивает ее:

— Их песенка спета: каюк им...

И, спохватившись, спрашивает:

— Где же твой отец...

Груня вспыхивает, отводит от лица Федьки большие свои глаза и молчит.

— С белыми ушел,—выговаривает она, наконец, тихим голосом и прижимается к Федьке.

Федька быстро решает:

— Раз против нас—туды ему и дорога...

Кулак—известно, трудовому народу враг...

Тревожно дребезжал телефон.

— Из 1-й роты. Мы смяты, опрокинуты. Спешно отступаем.

Полковник Изуверов свирепо ударил кулаком по столу: стакан опрокинулся, коньяк полился полковнику на брюки.

— Позвоните генералу об отходе роты—вывкрикнул он вошедшему капитану Штрому,—а

также оповестите роты. Я сам прикажу уложить чемоданы...

Покачиваясь, полковник взял бутылку и долго вливал в себя коньяк, потом, не торопясь, прицепил к поясу револьвер и шашку.

— Та-а-ак-с,—крякнул он и крикнул вестовым:

— Отступаем. Свернуться в минуту. Лошади оседланы?

— Точно так, ваше высокоблагородие,—вместе ответили вестовые; на лицах их сверкнула радость, но тотчас же потухла.

Старый полковник вздохнул:

— И эти против нас...

Телефонисты на спех снимали аппарат, второпях вырывали кабель из стен.

Сидя на коне, полковник нагнулся к уху капитана:

— Послушайте капитан Штром. А, ведь, уничтожат нас красные...

Ничего не сказал капитан, отвернулся в сторону.

Государственное Военное Издательство

МОСКВА, Тверская, д. № 15.

Адрес для телеграмм: МОСКВА—ВОЕНГИЗ.

ЛИТЕРАТУРА.

- В. Зудин.** — Красноармейская печать и военкомы. Под ред. Д. Митяева. 57 стр. Цена 35 коп.
- Н. Клягин.** — Военном Янов. Рассказ. Рис. Н. Атабекова. 23 стр. Цена 10 коп.
- М. Краев.** Как воюют теперь. (Б-ка кр-ца № 2) с 6-ю рис. в тексте. 89 стр. Цена 27 коп.
- Ф. Кригер.** Маскировка. Б-ка кр-ца № 23) с 9 рис. в тексте 111 стр. Цена 30 коп.
- А. Лаговский.** Артиллерийская разведка. (Б-ка кр-ца № 34) с 6-ю рис. в тексте. 103 стр. Цена 25 коп.
- Н. Латынин.** Что такое шпионаж и как с ним бороться. (Б-ка кр-ца № 3). 32 стр. Цена 12 коп.
- Н. Лямин.** Наступат. бой. Б-ка кр-ца № 12), 2-е испр. изд. с 7 рис. в тексте. 42 стр. Цена 13 коп.
- М. Мархилевич и А. Нулаков.** Как предсказать погоду по радио, с прилож. карты и 2 схем. 30 стр. Цена 15 к.
- В. Новиков.** Новейшие достижения в области проволочной телеграфии и телефонии. 50 стр. Цена 8 коп.
- Смирнов.** Памятка нашему разведчику. (Б-ка кр-ца № 35 с 11 рис., 7 схема в тексте, с табл. условн. знак. 116 стр. Цена 30 коп.
- Муромов и Некрасов.** Авиахим, что он значит, что он может, чем крестьянину поможет. Рис. Бочкарева и Малеинова Стр. 48. Цена 20 коп.
- А. Аксенов.** Материалы по химическому просвещению и военно-химическому просвещению гражданского населения. С 70 рис. в тексте. Стр. 128. Цена 50 коп.
- А. Адрианов и С. Буров.** Химия в борьбе с вредителями. Стр. 232. Цена 70 коп.

ВСЕГДА

исчерпывающий выбор книг по всем без исключения вопросам военного дела Рабоче-Крестьянской Красной армии и флота. Кроме военной литературы всегда имеются запасы книг и учебников для школ, учебных заведений всех ступеней и самообразования.

Государственное Военное Издательство

МОСКВА, Тверская, д. № 15.

Адрес для телеграмм: МОСКВА—ВОЕНГИЗ.

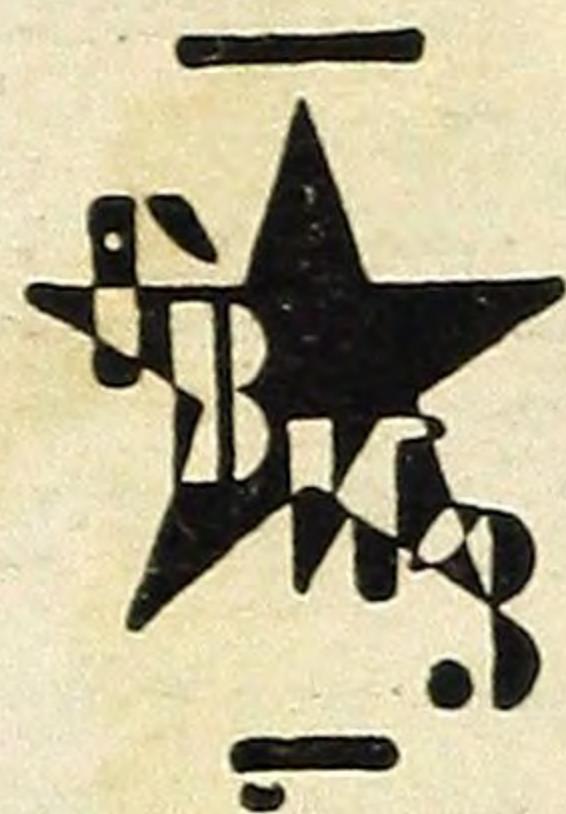
ЛИТЕРАТУРА.

- В. Зудин.** — **Красноармейская печать и военкомы.** Под ред. Д. Митяева. 57 стр. Цена 35 коп.
- Н. Клягин.** — **Военком Янов.** Рассказ. Рис. Н. Атабекова. 23 стр. Цена 10 коп.
- М. Краев.** **Как воюют теперь.** (Б-ка кр-ца № 2) с 6-ю рис. в тексте. 89 стр. Цена 27 коп.
- Ф. Кригер.** **Маскировка.** Б-ка кр-ца № 23) с 9 рис. в тексте 111 стр. Цена 30 коп.
- А. Лаговский.** — **Артиллерийская разведка.** (Б-ка кр-ца № 34) с 6-ю рис. в тексте. 103 стр. Цена 25 коп.
- Н. Латынин.** — **Что такое шпионаж и как с ним бороться.** (Б-ка кр-ца № 3). 32 стр. Цена 12 коп.
- Н. Лямин.** **Наступат. бой.** Б-ка кр-ца № 12), 2-е испр. изд. с 7 рис. в тексте. 42 стр. Цена 13 коп.
- М. Мархилевич. и А. Кулаков.** — **Как предсказать погоду по радио,** с прилож. карты и 2 схем. 30 стр. Цена 15 к.
- В. Новиков.** **Новейшие достижения в области проволочной телеграфии и телефонии.** 50 стр. Цена 8 коп.
- Смирнов.** **Памятка нашему разведчику.** (Б-ка кр-ца № 35 с 11 рис., 7 схема в тексте, стабл. условн. знак. 116 стр. Цена 30 коп.
- Муромов и Некрасов.** **Авиахим, что он значит, что он может, чем крестьянину поможет.** Рис. Бочкарева и Малеинова Стр. 48. Цена 20 коп.
- А. Аксенов.** **Материалы по химическому просвещению и военно-химическому просвещению гражданского населения.** С 70 рис. в тексте. Стр. 128. Цена 50 коп.
- А. Адрианов. и С. Буров.** — **Химия в борьбе с вредителями.** Стр. 232. Цена 70 коп.

ВСЕГДА

исчерпывающий выбор книг по всем без исключения вопросам военного дела Рабоче-Крестьянской Красной армии и флота. Кроме военной литературы всегда имеются запасы книг и учебников для школ, учебных заведений всех ступеней и самообразования.

Цена 10 коп.

Воинским частям и учреждениям, а также военно-служащим при покупке книг в магазинах ГВИЗ'a и отделениях за наличный расчет предоставляется скидка в 20%.

Почтово посыльный ГВИЗ'a (Москва, Тверская, 15) высылает любую книгу без задатка наличным платежом. При заказах на сумму выше 5 руб. стоимость упаковки и пересылки за счет издательства.

ВОИНСКИМ ЧАСТЯМ И УЧРЕЖДЕНИЯМ ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ КРЕДИТ.

Правление ГВИЗ'a: Москва, Тверская, 15.
Склад изданий: Красная пл., 2-ой дом Реввоенсовета.

ОПТОВО-РОЗНИЧНЫЕ МАГАЗИНЫ

в Москве:

№ 1. Б. Лубянка, д. № 1, тел. 2-21-61; № 2. Б. Лубянка, д. № 1, тел. 5-84-03; № 3. Красна пл., 2 дом РВСР, тел. 5-84-04; № 4. Арбат, д. № 47, тел. 2-45-98; № 5. Никольская, д. № 8, тел. 2-14-39; № 7. Тверская, д. № 15, тел. 2-31-56.

ОТДЕЛЕНИЯ:

Ленинград (Северо-Западн.), Просп. 25 Окт., д. № 20;
Смоленск (Западн. Окружное), Советская ул., д. № 10;
Ташкент (Средне-Азиатское); С. вастополь (Крымское-Областное), ул. Троцкого, д. № 12; Н.-Николаевск (Сибирское), Красн. пр., д. № 22; Тифлис (Закавказское), пл. Свободы, д. № 3; Самара (Приволжское), Советская ул., д. № 111; Харьков— Всеукраинское, ул. Свердлова, д. № 22; Киев (Правобережное); Ростов-на-Дону (Сев.-Кавк.), Никольская ул., № 107; Владивосток (Дальне-Восточное), Ленинская ул., 69; Минск.